

Хозяин гостиницы тоже не знал подробностей. Он принял нефритовую подвеску, которую протянул Янь Чэн, оформил для них номер на счёт Яо Шаоцина и рассказал им всё, что знал:

— Говорят, что рядом с почтовой станцией обрушился дренажный канал, несколько человек утонули, и из столицы прислали людей разобраться с этим. Князь Дуань вызвал свою личную гвардию из Яньчэна, так что эти кони — от князя Дуаня.

Они обменяли подвеску на номер на верхнем этаже. Одежда Сун Цзиньшу промокла от дождя, и лёгкая ткань, облекая тело, очерчивала его фигуру до мелочей. Внизу, в общем зале гостиницы, сидело много гостей, пивших чай. Заметив вошедшего Сун Цзиньшу, их взгляды прилипли к нему.

Янь Чэн, видя это, съязвил, снял свой верхний плащ и набросил на Сун Цзиньшу, закрывая его от этих жадных глаз.

Номер находился в самом конце третьего этажа. Только они подошли к двери, как напротив открылась дверь комнаты, и Лю Цун вышел с тазом воды. Увидев Сун Цзиньшу, его обычно серьёзное лицо немного смягчилось.

— Цзиньшу, вы вернулись. — Лю Цун спешил за водой, поэтому окликнул их. — Не заходите пока, у меня есть для вас кое-что.

Сказав это, он поспешно понёс медный таз в другую сторону.

Лицо Янь Чэна потемнело. Он дернул Сун Цзиньшу за руку и втащил в комнату.

— Эй... — Сун Цзиньшу указал на дверь, намекая, что Лю Цун хотел что-то ему передать.

— Не обращай на него внимания, — отрезал Янь Чэн. — Вы видите всего второй раз, зачем он так к тебе липнет? Уверен, у него нет добрых намерений. Его комната как раз напротив нашей, наверняка он это специально устроил. Он на хорошего человека не похож.

Янь Чэн говорил это, снимая с Сун Цзиньшу мокрую верхнюю одежду. Он выжал полотенце и стал вытирать его тело, чтобы тот не простудился.

Когда полотенце коснулось бока, Сун Цзиньшу всем телом слегка вздрогнул и забыл о том, что хотел сказать.

Лю Цун, вернувшись после того, как вылил воду, увидел, что в коридоре никого нет, и вздохнув, пошёл к себе в комнату.

Когда за окнами стемнело, Лю Цун постучал в дверь номера Сун Цзиньшу и Янь Чэна. Увидев, что открывает Янь Чэн, его выражение лица изменилось, в глазах появилась насмешка:

— Господин Янь, у вас отменная выносливость.

Сун Цзиньшу в это время принимал ванну, и звук плескающейся воды просачивался сквозь щель двери. Янь Чэн, недовольный, прикрыл дверь собой и холодно произнёс:

— Чем могу помочь, господин Лю?

Днём он этого не заметил, но теперь, в тусклом свете свечей в коридоре, на лице Лю Цуна читалась сильная усталость.

Похоже, у него не было сил продолжать подшучивать над Сун Цзиньшу и Янь Чэном. Он раскрыл ладонь, на которой лежал белый фарфоровый флакончик.

Янь Чэн с сомнением приподнял бровь и не протянул руки.

— Это лечебная пилюля, которую моя княгиня велела передать вам, — Лю Цун свободной рукой потер уставший висок. — Травы для этой пилюли выращены лично моей княгиней. Днём она заметила, что у Цзиньшу меж бровей застыла тень старой болезни, и велела мне принести лекарство.

Увидев, что Янь Чэн безучастен, Лю Цун понял, в чём дело.

— Эта пилюля может вылечить тело с давними недугами. Для слабого организма она принесёт лишь пользу. К тому же, моя княгиня только познакомилась с вами, у неё нет причин вредить вам.

Говоря это, Лю Цун снова начал хвастаться:

— И это только из-за меня она решила отдать одну пилюлю, чтобы помочь Цзиньшу.

Янь Чэн сердито косился на Лю Цуна, но совсем без церемоний выхватил у него из рук флакончик, холодно хмыкнул и произнёс:

— Благодарю вас, господин Лю. В тот день, когда у нашего с Цзиньшу ребёнка будет праздник выбора первой вещи, мы обязательно вас пригласим.

Сказав это, не дожидаясь ответа Лю Цуна, он закрыл дверь.

Лю Цун, едва не получив дверью по лицу, с досадой потер нос и, бормоча что-то под нос, пошёл к себе в номер.

— Ну и уксуса тут разлилось!

Сун Цзиньшу в это время плескал на себя воду. Услышав, как Янь Чэн зашёл и закрыл дверь, он обернулся. Его гладкая спина, слегка выступающие лопатки и тонкая талия были видны сквозь воду.

Взгляд Янь Чэна потемнел. Он скользил от его худых ключиц до груди, где под водой едва проступали красные ягоды сосков. Шея, покрытая светло-красными следами поцелуев, после намочения казалась свежесорванной клубникой.

— Лю Цун приходил.

Янь Чэн спрятал флакончик в рукав. У Яо Шаоцин действительно не было причин вредить Сун Цзиньшу, но он не собирался использовать эту пилюлю.

Использовать её — значит остаться в долгу перед резиденцией князя Дуаня.

Сейчас на дворе нестабильная обстановка. Баланс сил между Восточным дворцом и другими группировками постепенно рушится, а резиденция князя Дуаня всегда держалась в стороне от двора. Кого они поддержат в этот раз — неизвестно.

Янь Чэн больше не хотел иметь никаких дел с чиновниками.

В прошлой жизни Янь Чи пострадал из-за Янь Цзэ, ушедшего в политику, и в итоге погиб в тюрьме. Они даже не смогли найти его костей.

Янь Чэн не хотел проходить через это снова.

Он хотел защитить всех, кто был рядом.

Сун Цзиньшу тоже не спросил, зачем приходил Лю Цун. Он, накинув халат, встал из ванны. Тонкая ткань халата, намочив, прилипла к телу, очерчивая стройную талию. Янь Чэн одного вида уже мог представить, как приятно будет держать его в руках.

Янь Чэн естественно притянул его к себе, не обращая внимания на то, что его собственная одежда промокла от водяных капель на Сун Цзиньшу. Лёгким движением пальца он отодвинул полы халата Сун Цзиньшу. Открытый воздух участка кожи вызвал лёгкую дрожь.

Сун Цзиньшу слабо толкнул Янь Чэна в грудь, а затем махнул рукой и позволил ему делать с собой всё, что он пожелает.

В номере, который был всего лишь через стену от их номера, Яо Шаоцин с тяжёлым выражением лица сидел за деревянным столом. Колеблющееся пламя свечи отразилось на его лице, придавая бледным щекам лёгкий румянец.

— Министр налогов уже в пути?

Яо Шаоцин поддержал низ живота, где чувствовалась ноющая боль. Ребёнок оказался шаловливым, и вся его нижняя часть тела болела и онемела так, что он почти терял чувствительность.

Если бы не одежда, закрывающая его, можно было бы увидеть, что нынешний княгиня Дуаня сидит на деревянном стуле в неприличной позе, широко расставив ноги, а внутренняя поверхность бёдр слегка дрожала.

Его лицо выглядело настолько плохо, что даже Лю Цун заметил неладное. Он налил ему чашку горячего чая, поставил перед ним и посоветовал:

— Князь уже едет из Юду. Это не ваша забота. Как только министр налогов и князь прибудут, проблема с обрушением канала будет решена.

Постоялый двор «Сяньюй» находился рядом с Западной улицей. Рядом с чайной домом на Западной улице официальный канал обрушился три дня назад из-за непрерывных ливней. По логике вещей, министр налогов должен был прибыть уже давно.

— На почтовой станции сейчас стоят войска пограничного округа. Обрушившийся канал находится всего в двух улицах от станции. Если этим воспользуются недоброжелатели, Юду и пограничный округ будут вынуждены начать войну.

На станции жил ещё и его дядя.

— Нужно ли вывести господина Чу со станции?

Лю Цун приехал с Яо Шаоцином из пограничного округа, когда тот выдавали замуж. По сравнению с братьями, с которыми он был знаком в Юду, он больше заботился о своих родных из пограничья.

Яо Шаоцин покачал головой, а на висках выступил холодный пот.

— Дядя прибыл вместе с войсками охраны пограничного округа. Выводить его со станции против правил. Сейчас он генерал, командующий войсками, а не мой дядя.

Лю Цун вздохнул и уже хотел что-то сказать, как в дверь постучали.

Вошедшим оказался охранник князя Дуаня, Сяо Ицзэ, генерал императорской гвардии Фан Цзюнь.

Он сложил руки в приветственном жесте перед Яо Шаоцином и тихо произнёс:

— Князь уже въехал в город вместе с министром налогов. Он передал мне сказать вам, что сегодня в гостиницу не вернётся.

Пальцы Яо Шаоцина слегка дрогнули, он опустил глаза, и длинные изогнутые ресницы скрыли тёмные эмоции в глубине его взгляда.

— Ну вот и хорошо, что приехал.

Яо Шаоцин расслабился, и боль в животе стала ещё заметнее. Он не принимал лекарство целый день, и яд в его теле почти перестал сдерживаться.

— В последние дни в городе появилось много беженцев, не внесённых в списки. Гвардия разместила их в пустующих домах на берегу реки Яньцзян. Однако...

Фан Цзюнь замолчал, сжимая зубы, и его красивое лицо исказилось от злости.

— Что случилось?

Яо Шаоцин редко видел Фан Цзюня в таком гневе.

— Многие из наших братьев, которые контактировали с беженцами, заболели лихорадкой, у них появилась сыпь. Военный врач не может определить причину и считает, что это, скорее всего, эпидемия.

Фан Цзюнь последние дни бегал с небольшим отрядом гвардии. Как генерал гвардии, он с ненавистью смотрел на то, как один за другим падают его люди.

— Эпидемию, скорее всего, занесли беженцы. Я уже приказал запереть их в домах и запретить выходить.

<http://bllate.org/book/16689/1531922>